

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ECONOMICS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 330.101:330.342.24

DOI: 10.26730/2587-5574-2024-3-4-13

О НЕОБХОДИМОСТИ СМЕНЫ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ

Жернов Е.Е.

Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева

Информация о статье

Поступила:

12 августа 2024 г.

Одобрена после рецензирования:

02 сентября 2024 г.

Принята к публикации:

10 сентября 2024 г.

Ключевые слова: экономическая теория экономики знаний, модель «homo economicus», антропное начало, антропосоциальность.

Аннотация.

В статье проведен анализ соответствия неоклассической модели «человек экономический» экономической теории экономики знаний. Предмет исследования – адекватность неоклассической модели «человек экономический» экономической теории экономики знаний. Цель – выявление линий аргументации несоответствия неоклассической модели «человек экономический» экономической теории экономики знаний и выбор перспективного для осуществления на практике направления поиска модели человека, адекватной этой теории. Методология: 1) за исходное положение принято различие теоретического конструкта «модель человека в экономике» и типа или образа человека в экономике; 2) в основу положены антропологические принцип и подход к экономике в рамках исторической антропологической (междисциплинарной) исследовательской программы. Результаты: 1) выявлены четыре линии аргументации несоответствия неоклассической модели «человек экономический» экономической теории экономики знаний: антропная, социальная, природная, историческая; 2) выбрано антропосоциальное направление поиска модели «человека», релевантной экономической теории экономики знаний; 3) сформулирована гипотеза: антропосоциальный подход в экономической теории экономики знаний сближает идеал и действительность, делая своим предметом будущее. Область применения результатов – развитие экономической теории экономики знаний. Выводы: 1) экономике знаний требуется новый тип человека, способный создавать новую экономику; 2) необходимо разрабатывать модель человека, соответствующую экономической теории экономики знаний.

Для цитирования: Жернов Е.Е. О необходимости смены модели человека в экономической теории экономики знаний // Экономика и управление инновациями. 2024. № 3 (30). С. 4-13. DOI: 10.26730/2587-5574-2024-3-4-13, EDN: NAUUGE

ON THE NEED TO CHANGE THE HUMAN MODEL IN THE ECONOMIC THEORY OF THE KNOWLEDGE ECONOMY

Evgeny E. Zhernov

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University

Abstract.

The article analyzes the conformity of the neoclassical model “economic man” with the economic theory of the knowledge economy. The subject of the study is the adequacy of the neoclassical model “economic man” of the economic theory of the knowledge economy. The goal is to identify the lines of argumentation of the discrepancy between the neoclassical model “economic man” of the economic theory

Article info

Submitted:
12 August 2024

Approved after reviewing:
02 September 2024

Accepted for publication:
10 September 2024

Keywords:

economic theory of knowledge economy, homo economicus model, anthropic principle, anthroposociality.

of the knowledge economy and the choice of a promising direction for putting into practice the search for a human model adequate to this theory. Methodology: 1) the starting point is the distinction between the theoretical construct “model of a person in the economy” and the type or image of a person in the economy; 2) based on the anthropological principle and approach to economics within the framework of a historical anthropological (interdisciplinary) research program. Results: 1) four lines of argumentation of the inconsistency of the neoclassical model “economic man” of the economic theory of the knowledge economy were identified: anthropic, social, natural, historical; 2) the anthroposocial direction of the search for a model of “human”, relevant to the economic theory of the knowledge economy, was chosen; 3) a hypothesis is formulated: the anthroposocial approach in the economic theory of the knowledge economy brings together the ideal and reality, making the future its subject. The scope of the results is the development of the economic theory of the knowledge economy. Conclusions: 1) the knowledge economy requires a new type of person capable of creating a new economy; 2) it is necessary to develop a model of a person that corresponds to the economic theory of the knowledge economy.

For citation: Zhernov E.E. On the need to change the human model in the economic theory of the knowledge economy. *Economics and Innovation Management*, 2024, no. 3 (30), pp. 4-13. DOI: 10.26730/2587-5574-2024-3-4-13, EDN: NAUUGE

1 Introduction / Введение

Трансформация современного общества и экономики под воздействием усиления роли и значения научного знания требует адекватной экономической теории. М.А. Румянцев справедливо считает, что «понятийный инструментарий ведущих экономических школ Запада создавался для исследований развивающегося капитализма и не приспособлен для <...> прогноза грядущего» [1, с. 50]. Это будущее в идеале видится нам обществом знаний и экономикой, основанной на знаниях человека и технологиях. Задача экономической теории экономики знаний, по нашему представлению, состоит в том, чтобы наряду с решением чисто экономических задач разработать общественный идеал, способный в дальнейшем стать основой социально-экономического устройства общества, основанного на знании, включающего адекватную экономику. Анализ мировой истории показывает, что не во всех человеческих обществах доминируют экономические законы, возникающие сначала как научная доктрина, а затем как безусловный способ организации общества. Становление экономической теории экономики, основанной на знаниях человека, предполагает прежде всего ревизию такой базовой модели экономической теории, как «человек экономический», поскольку от нее, по сути, отталкиваются все конкурирующие между собой научно-исследовательские программы. Цель данного исследования – выявление линий аргументации несоответствия неоклассической модели «человек экономический» экономической теории экономики знаний и выбор перспективного в смысле осуществления на практике направления поиска модели человека, адекватной экономической теории экономики знаний.

2 Materials and Methods / Материалы и методы

Экономическая теория экономики знаний XXI века может и должна, по нашему мнению, представить человека с многообразными жизненными потребностями и способностями, противоречивыми мотивами и интересами, конкретным, а значит, более сложным субъектом, чем традиционный экономический агент. Достаточно широко распространенным среди исследователей является мнение, что подход неоклассики излишне упрощает человеческое поведение, сводя его к расчету личных выгод и убытков. В результате вне исследовательского поля остается собственно человеческое в человеке – творце экономики знаний. Ставку на рационального субъекта, чье поведение объясняется исключительно максимизацией выгоды, П. Бурдьё считает основным «белым пятном» экономической науки [2].

На выявление глубинных исторических корней в изучении природы человека и его поведения нацелены философия и антропология, которые значительно обогатили экономическую теорию в последние десятилетия необходимыми представлениями о поведении экономического субъекта во внешней социальной среде. Применение антропологического подхода к методологическим истокам и проблемам знаний о человеке в экономической теории экономики знаний вызвано, на наш взгляд, тем, что: 1) ему свойственна гуманистическая направленность, то есть

направленность на человека как такового; 2) он признает наличие как объективного, так и субъективного знания, изучает народные знания; 3) он делает упор на качественный аспект рассматриваемых вопросов; 4) он основан на принципе целостности (холизма): пытается объяснить экономическую деятельность, опираясь на понятие «человеческой природы» в целом, а не только на ту ее часть, которая стала прототипом для модели «человека экономического». Все это позволяет использовать в экономической теории экономики знаний мировоззренческий и гуманистический потенциал современного антропологического знания.

Образец в экономической науке антинатуралистической исследовательской программы, которая является историческим антропологическим (междисциплинарным) подходом, представили В. Леонтьев и Ф. Бродель [3; 4]. Институционально-антропологический подход к анализу экономических теорий реализован К. Поланьи [5]. К антропологии обращаются в своих экономических работах Дж.К. Гелбрейт, П.А. Самуэльсон, М. Фридмен, Ф. Хайек.

Предпосылки и допущения экономических теорий гносеологического и антропологического свойства исследованы в работах отечественных философов В.П. Филатова, А.А. Шестакова, А.Н. Сорочайкина, экономических антропологов А.А. Белика, Ю.И. Семенова. Учеными было установлено, что фундаментальной предпосылкой экономической теории служит модель человека «*homo economicus*». За исходную примем характеристику модели «человек экономический» известного экономиста и методолога общества знаний Ф. Махлупа: «“*Homo economicus*” – это метафорическое или образное выражение, обозначающее предпосылку гипотетико-дедуктивной системы экономической теории» [6, p. 113].

Антропологический принцип в экономике, включая модель человека, рассмотрен В.Т. Рязановым [7]. Развитие данного принципа в антропологический подход к экономике выполнил М.А. Румянцев [8]. Место антропологической проблематики в современной экономической науке рассматривает В.Н. Рогожникова [9]. Автор правильно считает, что «тема человека, его природы, сущности и поведения сегодня обретает новые аспекты постановки проблемы» [9, с. 70].

Анализ модели «экономического человека» с позиции *капитализированной* экономики знаний провела М. Сухарева [10]. Автор предложила модель «экономического человека», источником которой служит неинституциональная трактовка [10, с. 28]. Однако мы не обнаружили исследований модели «человек экономический» применительно к становящейся *социализированной* экономике знаний.

Таким образом, в проводимых сегодня экономических исследованиях явно выделяется антропологический аспект. Хотя, по нашему мнению, применительно к экономике знаний следует разрабатывать более широкий – антропный в значении «человечный» – аспект. Подтверждение правомерности использования термина «антропность» в значении «человечность» мы нашли у О.И. Генисаретского [11]. Антропный подход как всеохватывающий в отношении человечности больше соответствует экономике, основанной на знаниях человека.

3 Results and Discussion / Результаты и обсуждение

1. Антропность как линия аргументации. В свете реализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года актуальной представляется задача построения экономической теории экономики знаний на основе антропологического понимания природы человека в экономике. Дж. Бьюкенен и К. Эрроу, лауреаты Нобелевской премии по экономике, считают экономического человека исходным (начало) и конечным (цель) пунктами социального развития. В этом плане развитие такого культурно-природного феномена, каким, несомненно, является человек, сводится к его предельному значению. Только в нем проявляются смысл и цель всего социально-исторического движения. Соответственно, первая линия аргументации несоответствия неоклассической модели экономического человека экономической теории экономики знаний – человеческая (человечность, антропность). В соответствии с поставленной задачей исследования нами предложено антропное направление поиска обобщающей модели «человека», которое базируется на образе (типе) человека – цели экономики как части социума.

Опираясь на постулаты неоклассической экономической теории, В.Н. Рогожникова утверждает, что «в современном обществе господствует определенный антропологический тип, которому можно дать имя экономического человека» [9, с. 70] или, иными словами, «экономический человек – это универсальный антропологический тип современного человека / корпорации / со-

циума / государства» [9, с. 70]. Давая такое определение, автор исходит из принципа методологического индивидуализма, в соответствии с которым «любое социальное образование является ... индивидом, или экономическим агентом» [9, с. 71] (главным объектом исследования в неоклассике. – Е.Ж.) разного типа. Вместе с тем в основе модели экономического агента «лежит предположение, что все типы экономических агентов идентичны» [9, с. 71]. По мнению автора, такой подход «позволяет заключить о некоем «сверхагенте», или *tune* (курсив мой. – Е.Ж.), который очевидно, и получил название экономического человека» [9, с. 71]. Приведенные рассуждения позволили В.Н. Рогожниковой для установления связи модели экономического человека с реальными людьми использовать понятие «антропологический тип».

Поставить под вопрос данную гипотезу дает возможность уточнение терминологии. В приведенном рассуждении следует, на наш взгляд, выделить два отправных положения: 1) экономический человек – антропологический тип, 2) современный человек, корпорация, социум, государство – антропологический тип. По нашему мнению, следует различать понятия: «модель человека в экономике» и «тип человека в экономике». Модель всегда – результат упрощения. Тип – результат обобщения. Поэтому модельного экономического человека нельзя признать антропологическим типом.

Далее, понятие антропологического типа, по нашему мнению, неприменимо ни к корпорации (см. подробно [12]), ни к социуму, ни к государству. Как отмечает А.Н. Нестеренко, «в первоначальных версиях неоклассической теории (А. Маршалл) нет ни общества, ни государства...» [13].

Понимая под типом результат типизации в массе однородных явлений, мы считаем, по меньшей мере, некорректным типизировать такие разнородные понятия, как человек, социум, корпорация, государство. Каков критерий отнесения трех последних к антропологическому типу? Антропологический тип – тип реального человека, но не социального образования. **Убедительные доказательства этого мы находим в следующих исследованиях. К примеру, в работе Э. Фера и С. Гэхтера [14]** по нейроэкономике показано, что склонность к альтруизму зависит от размера определенного участка головного мозга. Это значит, что альтруизм является частью человеческой физиологической природы. И, следовательно, человеческие качества (разум, уникальность, эмоции, чувства, привычки, инстинкты и т.д.) нельзя переносить на социальные образования. **Д. МакФадден обнаружил биолого-генетические корни модели рационального выбора [15]**, которые, очевидно, отсутствуют у социальных образований. **Д. Канеман** отмечает импульсивность поведения экономических агентов и предлагает при объяснении их действий отвечать на вопрос: «Что бы сделал импульсивный человек в данной ситуации?» [16]. Разумеется, при таком ситуативном анализе необходимо учитывать объективно существующие различия между людьми-носителями и единственными обладателями когнитивного и эмоционального интеллекта и социальными образованиями как их сообществами.

Предложенная В.Н. Рогожниковой «типизация» на деле признает только тип человека-экономического эталона (идеала) – рационального в своем поведении западного мужчины – и поддерживает, на наш взгляд, те теории и модели, которые исключают живого человека из экономической теории. В ней остается только его «товарная», «капитализированная», то есть чисто экономическая оболочка агента капиталистических отношений, соответствующая духу капитализма как одной из форм хозяйствования, но не хозяйствованию в целом (см. ниже – историчность как линия аргументации).

Современная экономическая теория, как уже было отмечено, сохраняет главное антропологическое допущение, используя в качестве своего фундамента модель человека «экономический человек» (*homo economicus*). Рассматривая когнитивный статус этой модели, В.П. Филатов справедливо утверждает, что она создавалась не для исследования человека в его экономической жизни, а для изучения экономики и поведения в ней человека [17]. Так называемый «экономический человек» – предпосылка и единица анализа абстрактного индивида [7] – в качестве абстрактной модели человека нужен «для создания аксиоматически идеальной и очищенной от всех внешних влияний экономической теории» [7]. Однако неоклассическая экономическая модель человека, несомненно, способствует формированию определенного типа экономического субъекта, чем обеспечивает ее приверженцам вполне реальный, а не воображаемый результат.

Таким образом, исходя из целевой функции экономики, модель *homo economicus* – антропологическая предпосылка теории, но не сама антропологическая теория экономики, не результат

специального изучения человека как цели экономики, что составляет, по нашему мнению, предмет экономической теории экономики, основанной на знаниях человека. Но без человека, признанного как цель, существование экономики бессмысленно, а экономики знаний – просто невозможно, исходя из иного в ней масштаба человека, его когнитивных роли и значения. Соответственно, должно измениться представление о человеке в экономической теории: из прежнего объекта в экономике знаний человек должен стать активным субъектом хозяйствования.

Современная экономическая теория знания выглядит проектом реализации человека без знания и знания без человека [18]. Человек, лишенный знания, «оцифрованный», утрачивает свою сущность *homo sapiens* (Человек разумный). Человек без знаний в экономике знаний, как и знание, оторванное от человека, – нонсенс. Он – человек перехода к цифре, пустой человек без мыслящего начала, а значит, сущность и целостность его утеряны. В экономике знаний человека нельзя рассматривать ни как «винтик», ни как «машину», ни как «экономического человека», подвластного только «невидимой руке» рынка. Человек общества, основанного на знании, является «гражданином вселенной». В этом мы видим антропное начало с имманентной моралью, духовно самоуправляющейся природой личности, с индивидуальной качественностью. Поэтому главная в нашем представлении задача теории экономики знаний – вернуть человека в экономику, элиминировав условия отчуждения от человека его когнитивной сущности.

Если экономика знаний – «производство человека человеком» [19, с. 114], то как будет выглядеть модель производства экономического человека экономическим человеком? Что здесь будет максимизировано? Устроит ли результат такого процесса экономическую элиту, если при этом в труде исчезнут такие способности человека, как творчество и инновационность? Хорошо известно, что утилитаризм сдерживает творчество [20, с. 69]. Кроме того, «обе “души” капитала, т. е. форма знания (капитал когнитивный) и форма денежная (капитал финансовый) не сливаются, не растворяются одна в другой. Они остаются отличными, что служит основой для целого ряда несоответствий (*mismatchings*)» [20, с. 68]. Это также, на наш взгляд, аргументы креативного направления линии антропности (человечности) в защиту тезиса о невозможности использовать неоклассическую модель экономического человека в экономической теории экономики знаний, чтобы окончательно не обнулить творческий потенциал человечества в эпоху зарождения искусственного интеллекта.

Кроме того, в экономической теории экономики знаний надо иметь в виду этическую модель А. Сена, которая предполагает, что при анализе принятия экономических решений человеком необходимо учитывать такие внешние факторы, как моральные ценности и общепринятые нормы. Этичность (деонтологическая этика, а не утилитаристская) наряду с духовностью, креативностью, когнитивностью – свойства человечности (антропности и субъектности). Суждение о том, что этическая оценка экономического человека предполагает существование такой модели в реальной жизни, тогда как она отражает «лишь искусственно изолированные аспекты человеческой личности» [21], опровергается, на наш взгляд, следующим утверждением того же автора: «существует и опасность обратного знака, когда выводы, полученные с помощью абстрактной модели экономического человека без необходимых посредствующих звеньев и оговорок, применяются к поведению реальных людей (например, при обосновании той или иной макроэкономической политики)» [21]. Когнитивный подход особенно проявляет важность этизации научных гипотез: этика выполняет и когнитивную функцию в развитии экономической теории и методологии. Это подтверждают интенции пострациональности как научных теорий экономики знаний, так и их практического приложения. Таким образом, творчески-когнитивный подход экономики знаний мало совместим с рациональностью экономического человека эпохи капитализма, разве только в части научной рациональности, которую мы в данной статье не рассматриваем.

В экономической теории экономики знаний модель «экономического человека», отождествленного с человеком вообще, сосуществует одновременно с относительно равнозначными, соразмерными себе моделями «институционального человека», «креативного человека», «создающего человека», «самореализующегося человека». Названные и аналогичные модели человека можно, по нашему мнению, рассматривать как внешние многоаспектные проявления некой общей антропологической аутентичности (подлинности). Их паритетное наличие свидетельствует о расширении границ онтологизации «экономического человека» за пределы экономической сферы общественной жизнедеятельности. Это позволяет ввести в экономическую теорию экономики знаний в качестве обобщающей названные выше и многие другие модели человека *модель*

антропного начала, в которую интериоризируются (свертываются) многочисленные модели человека. Это будет способствовать повышению объективности и реалистичности экономической модели человека. И здесь особенно важно установить методологический статус вводимой модели. Для этого воспользуемся уже упоминавшимся принципом различения «*homo economicus*» как модели в экономической теории и как типа (образа) человека в экономике.

А.Н. Сорочайкин [22] и А.А. Шестаков [23] сходятся в оценке тенденций интерпретации методологического статуса «*homo economicus*» как смешиваемых в современной литературе. В первом направлении «*homo economicus*» интерпретируется как теоретическая модель. В таком качестве она представляет собой сумму предельных антропологических предпосылок и допущений – научную идеализацию. Вторая тенденция рассматривает «*homo economicus*» как реальный тип личности с соответствующими способностями и ценностными предпочтениями, образ человека в экономике. Но теоретические конструкты не должны превращаться в факт. «Примером такого превращения (превращения некоторых конструктов в факт. – Е.Ж.) является гипостазирование «экономического человека» как рационального эгоиста из понятийного арсенала экономической науки в реального агента экономических отношений» [24, с. 78]. В экономической теории экономики знаний контаминация (лат. – смешение) образа человека и его модели представляется нам тем более недопустимой в силу особого значения в этой теории идеализации действительности, призванной отразить приверженность к высоким нравственным идеалам человека и социума. Согласно историко-антропологическому подходу, в центре исследования находится не изолированный человек, а представитель определенной социальной группы, с которой его связывает общность мировоззрения, мировосприятия и социального поведения.

2. Социальность как линия аргументации. По соглашению между учеными-теоретиками модель человека в экономической теории – это набор предпосылок, предположений в отношении поведения субъекта в сфере экономических отношений – части социальных связей. В соответствии с научным договором модель человека в экономической теории – это не комплекс реально наблюдаемых характеристик поведения, а инструмент анализа, аналитическая схема: «в основание современной экономической теории оказывается положен принцип инструментализма, в соответствии с которым от теоретической модели не требуется буквально копировать действительность. Вместо этого ее задача – стать удобным и понятным инструментом для объяснения определенных феноменов» [22]. Пока же не представляется возможным определить, частью какого социума или какой его частью является человек экономический.

Выделяют шесть компонентов модели экономического человека: выбор, существование предпочтений и ограничений, процесс оценивания (способность к оценке), принятие решения на основе собственных предпочтений, ограниченность информации и рациональность [25; 26]. Как видно из приведенного перечня, в модели «*homo economicus*» человек одинок, обособлен от других людей, лишен с ними обычных человеческих связей, не считая отношений рыночного обмена. Его субъектный статус сведен к безвольному существу, подчиняющемуся вычислительному устройству, скрытому в его мозгу, обладанию функцией полезности для себя. Его предельный ориентир – издержки, их он, как «совершенный калькулятор», в терминологии неоклассиков, сравнивает лишь с личной выгодой. Принятые им в результате подсчета стоимостных показателей решения рациональны лишь с его собственной позиции, без учета интересов общества, в котором он живет.

Еще в XIX–XX вв. Т. Веблен [27] и приверженцы его идей указывали на отсутствие должного внимания к социуму в модели «*homo economicus*» при принятии решения индивидом. Поэтому такая модель не пригодна для социальной по своей сути экономики знаний, которая объективно требует социализации экономического человека. Это по-новому раскрывает его смысл в экономике знаний, где наука как главная отрасль – результат социализации и кооперации труда целых поколений людей. Модель «экономический человек» непригодна для экономической теории экономики знаний и ввиду отсутствия в модели социальности, а не только человечности (антропности). **Так выявляется социальная линия (социальность) аргументации несоответствия неоклассической модели экономического человека экономической теории экономики знаний. Признавая верным утверждение В.А. Колпакова о том, что «экономический человек, проделав сложную эволюцию вместе с эволюцией хозяйственной деятельности, в постиндустриальную эпоху снова обретает черты бесконечномерной целостности, тождественной целостности самого социума» [28, с. 85], считаем, что наиболее полно отразить этот факт в экономической**

теории экономики знаний может разрабатываемый нами междисциплинарный антропосоциальный подход [29; 30].

Главная, на наш взгляд, социальная особенность экономики знаний, из которой следует необходимость замены «*homo economicus*», состоит в том, что знание – не товар. «Экономика знания призвана быть экономикой обобществления и бесплатности; она есть полная противоположность экономики.<...> «Стоимость» знания измеряется не деньгами, но интересом, который это знание вызывает, распространением, которое оно получает. Следовательно, в основе капиталистической экономики знания находится антиэкономика, в которой нет места товару, товарообмену, обогащению» [31]. И значит, нет места такому теоретическому концепту, как экономический человек.

Справедливости ради следует отметить, что введенное Г. Беккером понятие человеческого капитала содержит не только персональный капитал (накопленный опыт индивида), но и социальный капитал (влияние социальной среды). Однако в этом случае речь идет не о социализации человека, не об обмене-общении, но о «чисто» экономическом обмене, о капитализации человека и его окружающей среды, включая природу.

3. Природность как линия аргументации. Ограниченные запасы ресурсов, в том числе природные ресурсы, как объективное окружение «экономического человека», занимают в рассматриваемой модели значительное место. Содержательно экономический человек определен К. Поланьи как совокупность отношений взаимобмена человека с природной и социальной средой постольку, поскольку этот обмен снабжает его средствами для удовлетворения материальных потребностей [5, р. 29]. В тесной связи с социальной линией выявляется еще одна линия – природная, с экологическим направлением, отражающая экологическую безопасность человека. Она позволяет сформировать более близкую к реальности картину экономического мира, приблизив к нему «человека экономического», который в силу разумного эгоизма не должен действовать, загрязняя и уничтожая окружающую среду своей жизни [32].

Нельзя не признать, что модель «человек экономической» есть отражение состояния общества на момент ее создания. В этом смысле она – необходимое обстоятельство в истории экономического развития социума.

4. Историчность как линия аргументации. Историческое понимание действительности пронизывает все теории и модели человека. Подлинно историческое измерение есть тем самым и человеческое измерение. Авторы концепции «расчета согласия» Дж. Бьюкенен и Г. Таллок [33] подчеркивают как исторический, а значит временный, так и методологический, то есть условный характер рассматриваемой модели экономического человека. Основной тезис их концепции – значимость и применимость экономической теории не зависят от существования чисто экономического человека. Особенно это верно, по нашему мнению, для экономики знаний, в которой базирующиеся на экономическом детерминизме теоретические модели теряют свои прежние действенность и приоритетность / доминирование, мир, управляемый экономическими законами, все более демонстрирует свою историческую ограниченность.

Определяя перспективы развития экономической теории экономики знаний на базе антропосоциального подхода, мы учитываем тот исторический факт, что антропология в настоящее время проложила «столбовую дорогу в гуманитарно-гуманистическом осмыслении будущего человечества в его культурном, цивилизационном, расовом, религиозном, социальном и т.д. измерении]. Тип человека экономики знаний, как и прежний тип, образует некую историческую возможность, представляя собой интеллектуального носителя, по крайней мере, ближайшего будущего. Опираясь на это, можно выделить историческую линию (историчность) аргументации несоответствия неоклассической модели экономического человека экономической теории экономики знаний. Она дает возможность разглядеть нарождающееся новое, способствует более быстрому принятию новых идей о будущем в экономической науке.

Таким образом, проведенное теоретическое исследование показало, что неоклассическая модель «экономический человек» не адекватна экономической теории экономики знаний. Выбор перспективного в смысле практического осуществления направления поиска модели человека, адекватной экономической теории экономики знаний, который бы соответствовал выявленным линиям, пал на исторически-антропологическую парадигму. В этом смысле междисциплинарный антропосоциальный подход в экономической теории экономики знаний сближает идеал и действительность, делая будущее своим предметом.

4 Conclusion / Заключение

Неоклассическая модель «экономический человек» не пригодна для экономической теории экономики знаний как минимум по четырем основаниям – «человечности», «социальности», «природности», «историчности». Поэтому предлагается отказ от узкой, одномерной модели человека, разработка новой модели человека, обобщающей многообразие обозначающих его социально-экономических терминов в антропном начале как предельном понятии и идеально-типическом конструкте – онтологически и гносеологически подходящем инструменте для объяснения, анализа и прогноза развития этого феномена в экономике знаний. Антропосоциальный подход обеспечивает естественную концептуализацию единства человека и социума в экономической теории экономики знаний введением исторической, природной и мировоззренческой составляющих в качестве главных компонентов в трактовке типа человека в экономике. Осознаваемая автором незавершенность исследований модели человека в экономике знаний означает необходимость продолжения разработки не только соответствующих теоретических и методологических оснований, но и конкретных методов, технологии и инструментария изучения этого феномена в общем исследовательском поле классического институционализма, социологии, ноономики, гуманономики, экономической антропологии и других комплементарных течений современной экономической мысли.

Список источников

1. Румянцев М.А. Пределы капитализма // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 3. – С. 50-52.
2. Бурдьё П. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992-1993). – М.: Дело, 2019. – 407 с.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. В 3 т. Т. 2. Игры обмена. – 2-е изд. – М.: Весь мир, 2011. – XVI, 655 с.
4. Леонтьев В.В. Избранные статьи. – СПб.: Изд-во газ. «Нев. время», 1994. – 364 с.
5. Polanyi K. The Economy as Instituted Process // The Sociology of Economic Life / Ed. by M. Granovetter, R. Swedberg. – Boulder: Westview Press, 1992. – pp. 29-52.
6. Machlup F. The Universal Bagey // Essays in honour of Lord Robbins / Ed. by M. Peston, B. Corry. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1972. – pp. 99-117.
7. Рязанов В.Т. Антропологический принцип в экономике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2006. – № 1. – С. 3-18.
8. Румянцев М.А. Антропологический подход к исследованию экономики: постановка проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2007. – № 4. – С. 25-35.
9. Рогожникова В.Н. Экономический человек в XXI веке // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 5. – С. 70-74.
10. Сухарева М. Анализ модели «экономического человека» с позиции экономики знаний // Общество и экономика. – 2018. – № 3. – С. 16-32.
11. Генисаретский О.И. К проблеме культурно-ценностной политики (Методологические заметки к статье Г. Вайса «Ценностные трансформация и интеграция: наброски к вопросу о новой культуре поведения») // Кентавр перед Сфинксом: Германно-российские диалоги: сб. ст. – М.: Апрель-85, 1995. – С. 341-355.
12. Жернов Е. Антропоморфизм фирмы: за и против // Экономист. – 2016. – № 11. – С. 36-46.
13. Нестеренко А. О чем не сказал Уильям Баумоль: вклад XX столетия в философию экономической деятельности // Вопросы экономики. – 2001. – № 7. – С. 4-17.
14. Fehr E., Gächter S. Altruistic punishment in humans // Nature. – 2002. – Vol. 415. – pp. 137-140.
15. McFadden D. Economic Choices // The American Economic Review. – 2001. – Vol. 91. – No. 3. – pp. 351-378.
16. Kahneman D. Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics // The American Economic Review. – 2003. – Vol. 93. – No. 5. – pp. 1449-1475.
17. Филатов В.П. Антропологические предпосылки экономической теории и проблема рациональности // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2003. – № 4. – С. 85-92.
18. Логачев В.А., Жернов Е.Е. Знание в новейших теориях фирмы // ЭКО. – 2007. – № 9. – С. 119-134.
19. Марацки К. Тело-машина и его амортизация // Логос. – 2007. – № 4. – С. 114-122.
20. Руллани Э. Когнитивный капитализм: déjà vu? // Логос. – 2007. – № 4. – С. 64-69.
21. Автономов В.С. Экономическая антропология и модель человека // Очерки экономической антропологии / Рос. акад. наук. Ин-т пробл. занятости; [А.Г. Гаджиев (отв. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1999. – С. 17-58.
22. Сорочайкин А.Н. Методологические аспекты «Homo economicus» как антропологической модели: идеализация, конструктивность, символичность // Основы экономики, управления и права. – 2012. – № 2. – С. 121-125.
23. Шестаков А.А. Теоретические конструкты в экономической теории: сущность и способы формирования // Вестник Самарского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 212-217.
24. Колпаков В.А. Особенности эмпирического и теоретического уровней современных экономических теорий // Философские науки. – 2009. – № 2. – С. 74-90.

25. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. – СПб.: Экономическая школа, 1998. – 230 с.
26. Шаститко А.Е. Модели человека в экономической теории: учеб. пособие. – М.: Инфра-М, 2011. – 142 с.
27. Веблен Т. Теория праздного класса. – СПб.: Азбука, 2022. – 379 с.
28. Колпаков В.А. Экономическая теория в поисках новой парадигмы // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 1. – С. 79-88.
29. Жернов Е.Е. Антропосоциальность обмена профессиональными знаниями в фирме // Идеи и идеалы. – 2017. – Т. 2, № 1. – С. 102-113.
30. Жернов Е.Е. Нравственная экономика: идентификация и сопоставление теоретических подходов // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 2-1. – С. 190-208.
31. L'ecologie, une ethique de la liberation. Entretien avec Andre Gorz // Ecorev. – 2006. – No. 21. – URL: <http://ecorev.org/spip.php?article449> (дата обращения: 11.05.2024).
32. Zhernov E., Nekhoda E., Peters D. Nature and economy in the mining region: holistic approach // E3S Web of Conferences. – 2019. – Vol. 105. – pp. 04012.
33. Бьюкенен Дж.М. Сочинения. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы / Нобелевские лауреаты по экономике. Т. 1 / Фонд экономической инициативы. – М.: Таурис Альфа, 1997. – 560 с.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© 2024 Авторы. Издательство Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева. Эта статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Авторы

Жернов Евгений Евгеньевич – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева
650000 Кемерово, ул. Весенняя, 28
E-mail: zhee.eti@kuzstu.ru

References

1. Rumyanov M.A. Predely kapitalizma [The limits of capitalism]. Problemy sovremennoj ekonomiki. = Problems of modern economics. 2012. Vol. 3. pp. 50-52.
2. Bourdieu P. Ekonomicheskaya antropologiya: kurs lekcij v Kollezhe de Frans [Economic anthropology: a course of lectures at the College de France] (1992-1993). Moscow: Delo = Business, 2019. 407 p.
3. Braudel F. Materialnaya civilizaciya, ekonomika i kapitalizm, XV-XVIII vv. V 3 t. T. 2. Igra obmena [Material civilization, economics and capitalism, XV-XVIII centuries. In 3 vols. Vol. 2. Exchange games]. 2nd ed. Moscow: Ves mir = Whole world, 2011. XVI, 655 p.
4. Leontev V.V. Izbrannye stati [Selected articles]. Saint Petersburg: Izd-vo gaz. "Nev. vremya" = Publishing house of the newspaper "Nevsky Time", 1994. 364 p.
5. Polanyi K. The Economy as Instituted Process. The Sociology of Economic Life. Ed. by M. Granovetter, R. Swedberg. Boulder: Westview Press, 1992. pp. 29-52.
6. Machlup F. The Universal Bogy. Essays in honour of Lord Robbins. Ed. by M. Peston, B. Corry. London: Weidenfeld and Nicolson, 1972. pp. 99-117.
7. Ryazanov V.T. Antropologicheskij princip v ekonomike [The anthropological principle in economics]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika. = St Petersburg University Journal of Economic Studies. 2006. Vol. 1. pp. 3-18.
8. Rumyanov M.A. Antropologicheskij podhod k issledovaniyu ekonomiki: postanovka problemy [An anthropological approach to the study of economics: problem statement]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika. = St Petersburg University Journal of Economic Studies. 2007. Vol. 4. pp. 25-35.
9. Rogozhnikova V.N. Ekonomicheskij chelovek v XXI veke [The economic man in the 21st century]. Problemy sovremennoj ekonomiki. = Problems of modern economics. 2015. Vol. 5. pp. 70-74.
10. Suhareva M. Analiz modeli "ekonomicheskogo cheloveka" s pozicii ekonomiki znanij [Analysis of the "Homo economicus" model in the knowledge economy]. Obschestvo i ekonomika. = Society and Economics. 2018. Vol. 3. pp. 16-32.
11. Genisaretskij O.I. K probleme kulturno-cennostnoj politiki (Metodologicheskie zametki k state G. Vajsa "Cennostnye transformaciya i integraciya: Nabroski k voprosu o novej kulture povedeniya") [On the problem of cultural and value policy (Methodological notes to the article by G. Weiss "Value transformation and integration: Sketches on the question of a new culture of behavior")]. Kentavr pered Sfinksom: Germano-rossijskie dialogi: sb. st. [Centaur before the Sphinx: German-Russian dialogues: collection of articles]. Moscow: Aprel-85 = April-85, 1995. pp. 341-355.
12. Zhernov E. Antropomorfizm firmy: za i protiv [Anthropomorphism of the firm: pro et contra]. Ekonomist. = Economist. 2016. Vol. 11. pp. 36-46.
13. Nesterenko A. O chem ne skazal Uilyam Baumol: vklad XX stoletiya v filosofiyu ekonomicheskoy deyatel'nosti [What William Baumol did not say: the contribution of the twentieth century to the philosophy of economic activity]. Voprosy ekonomiki. = Voprosy Ekonomiki. 2001. Vol. 7. pp. 4-17.
14. Fehr E., Gächter S. Altruistic punishment in humans. Nature. 2002. Vol. 415. pp. 137-140.

15. McFadden D. Economic Choices. *The American Economic Review*. 2001. Vol. 91. No. 3. pp. 351-378.
16. Kahneman D. Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics. *The American Economic Review*. 2003. Vol. 93. No. 5. pp. 1449-1475.
17. Filatov V.P. Antropologicheskie predposylki ekonomicheskoy teorii i problema racionalnosti [Anthropological background of the economics and the problem of expediency]. *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda. = Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation*. 2003. Vol. 4. pp. 85-92.
18. Logachev V.A., Zhernov E.E. Znanie v novejsih teoryah firmy [Knowledge in the latest theories of the company]. *EKO. = ECO*. 2007. Vol. 9. pp. 119-134.
19. Maracci K. Telo-mashina i ego amortizaciya [The body-machine and its depreciation]. *Logos. = Logos*. 2007. Vol. 4. pp. 114-122.
20. Rullani E. Kognitivnyj kapitalizm: déjà vu? [Cognitive capitalism: déjà vu?]. *Logos. = Logos*. 2007. Vol. 4. pp. 64-69.
21. Avtonomov V.S. Ekonomicheskaya antropologiya i model cheloveka [Economic anthropology and the model of man]. *Ocherki ekonomicheskoy antropologii [Essays on Economic Anthropology] / Ros. akad. nauk. In-t probl. zanyatosti; A.G. Gadzhiev (otv. red.) i dr. [Russian Academy of Sciences. Institute of Employment Problems; A.G. Hajiyev (ed.) et al.]*. Moscow: Nauka = Science, 1999. pp. 17-58.
22. Sorochajkin A.N. Metodologicheskie aspekty «Homo economicus» kak antropologicheskoy modeli: idealizaciya, konstruktivnost, simvolichnost [Methodological aspects of "Homo economicus" as an anthropological model: idealization, constructiveness, symbolism]. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava. = Economy, governance and law basis*. 2012. Vol. 2. pp. 121-125.
23. Shestakov A.A. Teoreticheskie konstrukty v ekonomicheskoy teorii: suschnost i sposoby formirovaniya [Theoretical constructs in economic theory: the essence and methods of formation]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. = Vestnik of Samara State University*. 2012. Vol. 1. pp. 212-217.
24. Kolpakov V.A. Osobennosti empiricheskogo i teoreticheskogo urovnej sovremennyh ekonomicheskikh teorii [Features of the empirical and theoretical levels of modern economic theories]. *Filosofskie nauki. = Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2009. Vol. 2. pp. 74-90.
25. Avtonomov V.S. Model cheloveka v ekonomicheskoy nauke [The human model in economics]. Saint Petersburg: Ekonomicheskaya shkola = Economic School, 1998. 230 p.
26. Shastitko A.E. Modeli cheloveka v ekonomicheskoy teorii: ucheb. posobie [Human models in economic theory: textbook]. Moscow: Infra-M = Infra-M, 2011. 142 p.
27. Veblen Th. Teoriya prazdnogo klassa [The Theory of the Leisure Class]. Saint Petersburg: Azbuka = Alfabeta, 2022. 379 p.
28. Kolpakov V.A. Ekonomicheskaya teoriya v poiskah novoy paradigmy [Economic theory in search of a new paradigm]. *Znanie. Ponimanie. Umenie. = Knowledge. Understanding. Skill*. 2008. Vol. 1. pp. 79-88.
29. Zhernov E.E. Antroposotsialnost obmena professionalnymi znaniyami v firme [Anthroposociality of professional knowledge sharing in the firm]. *Idei i idealy. = Ideas and Ideals*. 2017. Vol. 2, No. 1. pp. 102-113.
30. Zhernov E.E. Nravstvennaya ekonomika: identifikaciya i sopostavlenie teoreticheskikh podhodov [Moral economy: identification and comparison of the theoretical approaches]. *Idei i idealy. = Ideas and Ideals*. 2019. Vol. 11, No. 2-1. pp. 190-208.
31. L'ecologie, une ethique de la liberation. Entretien avec Andre Gorz. *Ecorev*. 2006. No. 21. URL: <http://ecorev.org/spip.php?article449> (accessed 11.05.2024).
32. Zhernov E., Nekhoda E., Peters D. Nature and economy in the mining region: holistic approach. *E3S Web of Conferences*. 2019. Vol. 105. pp. 04012.
33. Buchanan J.M. Sochineniya. Konstituciya ekonomicheskoy politiki. Raschet soglasiya. Granicy svobody [Essays. The constitution of economic policy. The calculus of consent. The limits of liberty] / Nobelevskie laureaty po ekonomike. Tom 1 [Nobel Laureates in Economics. Vol. 1] / Fond ekonomicheskoy iniciativy [Economic Initiative Fund]. Moscow: Taurus Alfa = Taurus Alpha, 1997. 560 p.

Conflicts of Interest

The authors declare no conflict of interest.

© 2024 The Authors. Published by T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University. This is an open access article under the CC BY license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Authors

Evgeny E. Zhernov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economics
T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University
650000 28 Vesenniyaya st., Kemerovo
E-mail: zhee.eti@kuzstu.ru

